

Н.П. Иванова

ЦЕРКОВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ-МЕСЯЦЕСЛОВ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Современная историческая наука в последние десятилетия переживает особый подъем, связанный с небывалым общественным интересом к истории и историческим исследованиям. Это отразилось и в значительном расширении проблематики исторических исследований, и в смене многих устоявшихся десятилетиями воззрений на те или иные исторические события, и в публикации значительного массива источников, ранее закрытых для исследователей по идеологическим и другим мотивам, и в широком применении методов математики и информатики, передовых компьютерных технологий. Наконец, свое возрождение переживают вспомогательные исторические дисциплины. К сожалению, долгое время работа по некоторым направлениям или вообще не велась, или велась, но крайне незначительная.

Так, развитие исторической хронологии сводилось лишь к выборке наиболее удобных дат и преподнесения их в качестве аксиом. Хронологическая безграмотность привела к появлению мифов вокруг некоторых исторических дат, а также к возникновению споров в среде профессиональных историков и любителей истории относительно точности датировки того или иного события. Практически не обращалось внимания на точность датировки исторических событий, важным было лишь то, вписывалось ли оно в один из этапов истории классовой борьбы народов России. Умение работать с источником и точно датировать события – это прямая обязанность добросовестного историка.

Кроме того, многие документы были закрыты для исследователей по той причине, что они относились к церковным реликвиям. Поскольку церковь была отделена от государства, то источники, носившие церковный характер, либо долгие годы пылились в хранилищах музеев и библиотек, либо были уничтожены и навсегда утеряны для исследователей. Зачастую ссылки на исследование того или иного церковного источника можно обнаружить только в дореволюционных изданиях.

Долгие годы оставался без внимания ученых такой ценный источник как церковные календари, или месяцесловы. Многие исследователи, анализируя тот или иной памятник древнерусской письменности, не затрагивали в своих работах вопросов, относящихся к изучению месяцесловов. Так, Л.П. Жуковская, крупнейший русский филолог, замечательный знаток древнерусских рукописных книг, в одной из своих работ пишет: «При этом сознательно опускаем месяцеслов: его содержание и соотнесение отдельных текстов с определенными днями астрономического года в восточнославянских и южнославянских рукописях X-XIV вв. существенно различаются и, главное, изучены нами не достаточно» [1, с. 20]. Не случайно обращение автора статьи именно к этому виду источников. Итак, цель данной статьи – показать значимость и необходимость исследования такого ценного исторического источника, которым является древнерусский церковный календарь-месяцеслов.

Церковный месяцеслов, или календарь, берет свое начало на древнехристианском Востоке, здесь же он принял ту форму, в какой мы его видим и сейчас. С первых веков христианства стали вестись записи важнейших событий в церковной жизни, христианских праздников и дней памяти святых угодников, прославивших христианскую веру. Эти записи и легли в основу церковного календаря.

Первоначально месяцесловы были очень неполные, и в них не существовало единообразия, так как составлялись они по мере появления каких-либо особенных событий и лиц, достойных прославления церковью. Кроме того, каждая местная церковь или христианская община вела свой месяцеслов наиболее достойных, с ее точки зрения, святых. Со временем представители церкви стали заботиться о том, чтобы во всех церковных центрах привести записи месяцесловов к должной полноте и единству. По поводу начала обобщения всех месяцесловов и приведения их к относительному единству Е.Е. Голубинский в своем знаменитом труде

писал следующее: «Имеет ли один официальный акт, из которого открывается, когда началось общее празднование святителям, первым в порядке чинов святых после мучеников. Акт этот есть указ императора Льва Мудрого (+911), предписывающий, чтобы после апостолов и мучеников было повсеместно празднуемо святителям: Афанасию Александрийскому, Василию Великому, Григорию Богослову, другому Григорию, вероятно – Нисскому, Иоанну Златоусту, Кириллу Александрийскому и Епифанию Кипрскому» [2, с. 381]. Таким образом, упоминаемый акт явился первой попыткой обобщения записей местных церквей. Следующим шагом стал Синаксарь, составленный по приказу императора Василия Болгароборца, который имел целью «привести, так сказать, в радость всем известность, до какой степени духовное небо церкви украсилось духовными звездами – святыми Божьими; естественно, что сим возбуждалось желание сделать их общим достоянием церкви и чрез общее празднование памяти всех их» [2, с. 382]. Итак, к X в. церковный календарь являлся важной составляющей церковно-богослужебной жизни.

Получив такое значение в религиозном отношении, месяцеслов должен был стать известным везде, куда только проникало христианство, и входить в употребление. Христианство, приходя на смену язычеству, уже не могло обойтись без своего месяцеслова. Именно по церковному календарю определялись дни празднования наиболее значимых священных событий, в нем же отмечались дни памяти святых, прославивших христианскую веру.

Важно обратить внимание и на то обстоятельство, что для распространения месяцеслова в церковной практике большое значение имело то обстоятельство, что часто церковный календарь служил приложением к важнейшим церковно-богослужебным книгам. Так, например, в самом кратком виде, в форме простого списка событий и имен, он находится в Евангелиях, Апостолах, Требниках, месячных Минеях, в более обширном виде с кратким описанием праздников и дней святых – в Уставе, Следованной Псалтыри. И, наконец, в полнейшей форме, с подробнейшим описанием церковных праздников и жизни святых, он помещался в Прологах и особенно в Четьи-

Минеях [3, с. 8]. Безусловно, что по мере распространения этих книг неизбежно должен был входить в употребление церковный месяцеслов как необходимая их принадлежность.

С принятием христианства Древняя Русь, безусловно, заимствовала и все церковные богослужебные книги, в том числе и церковный календарь как их составную часть. Однако хотелось бы обратить внимание на одно обстоятельство, на которое еще в прошлом веке указывал профессор Санкт-Петербургской духовной академии В.В. Болотов, а именно на то, что церковные греческие рукописи доставались русским и славянским паломникам во время странствий. «Разумеется, греки не имели охоты именно те рукописи, которые были особенно нужны им самим, отдавать паломникам. Пришельцам дарили или продавали такие книги, в которых не было практической надобности. К этой категории люди причисляли, конечно, и книги устарелые, содержащие древнейший чин, замененный уже константинопольским» [4, с. 196].

По самому содержанию древнерусский церковный календарь не сразу, как и первоначально все греческие, явился в той полной и определенной форме, в какой он предстает теперь. Так, например, Евангелие Остромирово Софийское (1056), Архангельское Евангелие (1092), Мстиславово Евангелие XII в., содержащие в своем составе древние церковные месяцесловы, неполны и отличны в некоторых местах друг от друга. При этом календари этих памятников имеют немало чисел, под которыми нет никаких указаний, т.е. не значится ни одного имени святого. Обращает на себя внимание и тот факт, что первая половина церковного года обычно была более богата на количество святых угодников, дни памяти которых отмечены в церковном календаре, т.е. практически на каждый день приходилась память какого-либо святого. Тогда как во второй половине года мы очень часто находим дни, в которых нет никаких замечаний относительно чествования того или иного святого. Объяснение этому можно найти в том, что именно на вторую половину года приходился Великий Пост, и памяти святым в это время не отмечались. Только в XIII-XIV вв. в месяцесловы стали записывать имена святых и в эти дни.

С течением времени, когда в русской церкви стали появляться лица и события, заслужившие прославления церковью, пробелы в церковных месяцесловах стали пополняться. Так, уже в XI в. в древнерусских месяцесловах появились имена Владимира Великого, князей русских Бориса и Глеба (+1015 г.), Феодосия Печерского (+1074 г.) и других.

По своему содержанию месяцесловы, имевшие хождение в разных княжествах и даже в разных монастырских центрах, отличались как от месяцесловов греческих, которые служили для них образцами, так и различались между собой. Зачастую в южнорусских месяцесловах многие святые были показаны в днях и даже месяцах совершенно иных, чем они отмечались по греческим или севернорусским святцам (годовое расписание неподвижных христианских праздников (то же самое, что и месяцеслов). В них же встречались такие имена святых, которых нельзя было найти ни в греческих месяцесловах, ни в календарях, распространенных в северной Руси. Причиной этого разнообразия послужила раздробленность древнерусских княжеств. Удельная система, отделяя древнерусские территории одну от другой и обособляя их между собой в гражданском отношении, способствовала и их разъединению в церковной жизни.

Особенностью распространения христианства на Руси было то, что почти все стороны общественной и частной жизни получили особенный отпечаток церковности. Церковный месяцеслов для русского человека являлся не просто элементом церковной жизни. Наши предки нашли для себя возможность вести годовое времяисчисление не по одним сухим отвлеченным числам месяцев, а по дням памяти чествуемых христианской церковью святых. Столь широкое применение церковного календаря в жизни народа проявилось и в том, что в XIX в. можно было встретить крестьянина, знавшего день своего рождения только по имени святого, память которого отмечалась в этот день, и при этом не знавшего, какой это день по юлианскому календарю.

Для историка же более ценным является то обстоятельство, что при датировке исторических событий древнерусские летописцы, описывая то или иное событие, отмечают его не только одним названием месяца и

числа, в какое оно происходило, а непременно к нему дают еще особое указание – либо имя святого, память которого приходится на известный день, либо церковный праздник, совпадающий с этим событием. Это объясняется, видимо, тем, что святцы стали для древнерусских хронологов подходящей основой для применения языческой традиции относительного счета дней. Календарный перечень христианских святых угодников представлял собой, по сути, «список начальных ориентиров относительного дневного счета, откуда каждый автор, руководствуясь своими соображениями, мог выбрать одну или несколько подходящих для него опорных точек» [5, с. 64]. Потребность в таком использовании святочного календаря была актуальной в XI-XII вв. тем более что в нем тогда еще существовали довольно большие пробелы.

Так, в летописи читаем: «Поставлен бысть (на епископство Иоанн) месяца генваря в 23 день, на память св. мученика Климента епископа, а в Ростов пришел на свой стол месяца февраля в 25 день на память св. отца Тарасья,... а в Володимир вшел того же месяца в 16 день, в пяток на канун св. Олексея человека Божья и друга Божья Лазаря. Того ж лета родился у благоверного христоролюбивого князя Всеволода сын, месяца февраля в 8 день на память св. пророка Захарьи... Того ж лета заложи благоверный и христоролюбивый князь Всеволод Юрьевич град Переяславль месяца иуля в 29 день, на память св. мученика Каллиника» [6, стб. 411-412].

Часто летописцы помимо точной даты и имени святого сообщали в летописи дополнительные сведения об астрономических явлениях, по которым можно было бы сверить дату с современным календарем. К примеру, в Новгородской первой летописи младшего извода читаем: «В то же лето бысть знамение в Новгороде в святый Софии от грома клирос все падоша и с людьми ниць, нвси живы быша, единь от диакъ зараженъ бысть, месяца мая в 14 , в час 10, вечернюю поюшимъ. А на вечеръ бысть знамение в луне...» [7, с. 204]

Наконец, нередко в летописи отмечается одно название церковного праздника без ссылки на месяц и число, в случае, если событие совпадало с важнейшим церковным праздником. «В лето 6889-е в праздник Вос-

кресения Господня прииде из Царьграда на Русь пресвященный Киприан митрополит» [3, с. 15]. Таким образом, для наших предков более важными были данные месяцеслова. Что же касается чисто гражданского времяисчисления по месяцам и числам, то оно считалось второстепенным.

Еще одной особенностью древнерусского летописания было то, что летописцами обычно были люди, носившие духовный сан, как наиболее грамотные. Лишь немногие князья имели личных летописцев, причем последние чаще всего являлись церковными служителями. Летописание было занятием трудоемким и дорогим, в прямом смысле этого слова. К тому же летописание носило преемственный характер, т.е. каждый следующий летописец продолжал записи предыдущего. Несмотря на то, что к летописным записям, как и к книгам вообще, относились особенно трепетно и бережно, но книги ветшали и их приходилось переписывать. При переписке нередко допускались ошибки нечаянные или сознательные. Ошибки переписки можно обнаружить как в летописях, так и в церковно-богослужебных книгах. Выше уже упоминалось о различиях древнерусских месяцесловов. Эти различия самым прямым образом отражались в летописях, потому что месяцеслов использовался для датирования летописных известий.

В конце XIX в. Д.И. Прозоровский, пожалуй, первым не только отметил разность датировок, но и попытался проанализировать причины некоторых несоответствий дат. Опубликовав Новгородский Синодальный Устав XVI в., он обнаружил, что в нем и в святцах XVII в. память построения в Киеве церкви св. Георгия Ярославом Мудрым располагается под 26 ноября, а в Новгородском Евангелии 1270 г. в день Бориса и Глеба (24 мая). Еще один наглядный пример, приводимый Д.И. Прозоровским: в Новгородском

Уставе память апостола Марка отмечена 26 апреля, а в современном автору святочном календаре – 25 апреля. Как установил исследователь, причина заключалась в том, что в 1533 г. в Новгороде был мор, после которого была основана церковь апостола Марка архиепископом Макарием. Храмы обычно закладывались в воскресные дни. В данном случае воскресенье приходилось на 26 апреля, в связи с чем и был перенесен день празднования памяти апостола Марка. Этот факт он обнаружил в Новгородской 3-й летописи [8, с. 143].

Подобных казусов с перенесением памяти святым в месяцесловах XI-XIV вв. и агиологами, и историками отмечено довольно много. Поэтому еще в начале XX в. Н.В. Степанов предостерегал исследователей: «...Перевод древнелетописной даты, данной по святцам, требует особой осторожности, а при современном состоянии русской историографии представляет порой непреодолимые трудности. Дело в том, что мы совершенно не знаем, какими святцами пользовались наши древние летописцы. Святцы заимствовались русскими от разных народов православного востока, а может быть и католического запада... Не мудрено, что святцы в разные эпохи, в различных местах одного и того же времени были различны. Поэтому, прежде чем переводить дату, данную по святцам, надо точно знать, какими святцами пользовался в данное время летописец. Если же мы, не соблюдая исторической перспективы, будем переводить эти даты, пользуясь современными святцами, то можем впасть в ошибки... Задача мне представляется решаемой. Часто даты по святцам сопровождаются в летописях числами юлианского календаря, вот эти даты, как отдельные маяки, и могли бы послужить исходной точкой для суждения о характере данных святцев» [9, с. 24].

ЛИТЕРАТУРА

1. Жуковская Л.П. Текстология и лексика Архангельского Евангелия 1092 года // Архангельское Евангелие 1092 года: исследование, древнерусский текст, словоуказатели. М., 1997.

2. Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. I. Ч. 2. М., 1997.

3. Калинин И.П. Церковно-народный месяцеслов на Руси. М., 1997.

4. Болотов В.В. Следы древних месяцесловов поместных церквей // Христианские чтения. Вып. 4. М., 1893.

5. Цыб С.В. Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет»: Монография. Барнаул, 1995.

6. Полное собрание русских летописей. Т. I. М., 1962.

7. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А.Н. Наносова. М.;Л., 1950.

8. Прозоровский Д.И. О старинном русском счислении часов // Труды 2-го ар-

хеологического съезда в Санкт-Петербурге. Вып. 2. СПб., 1881.

9. Степанов Н.В. Календарно-хронологические факторы Ипатьевской летописи до XIII в. // ИОРЯС ИАН. Т. XX. Кн. 2. 1915.